

Соня, моя родная тетка, жила тихо и скромно, лишней копейки не имела. Огород, садик, куры — вот и все хозяйство. Немногословна, все больше слушала, если случалось присутствовать при разговоре. Никогда ни о ком ничего дурного не говорила, как некоторые деревенские бабы судачат почем зря, как сойдутся во множестве, по принципу: «В чужом глазу и соринка видна, а в своем бревно незаметно».

А тут случилось горе у соседей. Умерла жена и остался муж один. По имени его не звали. Фамилия звучала как имя. Марчук — и все тут. Погоревав, выдержав траур, решив, что одному плохо, стал он приглядываться к своим соседкам, одиноким женщинам. С правой стороны — Софья, с левой — Екатерина, обе ровесницы, одиночки с большим стажем. Думал, рядил — и пошел все-таки к Софье. Пришел и сказал: Соня, давай жить вместе, оно как-то сподручнее, да и нравишься ты мне».

От услышанного Соня растерялась: наверное, и не думала, что кто-либо обратит на нее внимание и случится на старости лет ее женское счастье.

Ничего другого ей в голову не пришло, как сказать: «Надо з Лизкою посоветоваться». Это значит — к моей матери,

младшей сестре своей, надо идти просить совета. Марчук одобрительно кивнул головой, уверенный в том, что надо соблюсти формальности и родственников поставить в известность. Так положено. По ее виду он сразу понял, что она согласна.

К нам в дом она не зашла, а влетела — запыхавшаяся, разгоряченная. Наверное, не шла, а бежала, что есть духу, от радости. И сразу выпалила: «Лизко, шо его робить, Марчук приходив свататься!»

Она покрылась пятнами от волнения, она была уверена, что младшая сестра разделит наверняка с ней ее переживания, одобрит ее намерения, что они посидят, поплачут по-бабьи, посетуют на свою женскую долю, как это бывает.

Марчук — мужик непьющий, работающий, с женой жил ладно. Лучшего претендента в мужья и не сыскать.

Но Лизка, сцепив зубы, поставив руки в боки, со злостью прошипела: «На шо вин тобі нужен, живешь як королева, лучшенький кусочек соби в рот. Ни клята, ни мята. Надумала?! Гони его в шию!»

От таких слов Соня вся съезилась, будто ее ударили хлыстом, ей вдруг стало как-то стыдно, будто ее уличили в чем-то нехорошем. А сестра не унималась: «Подывись, як я живу з мужиком, на черта тобі нужна така жизнь».

Тот мужик, о котором она говорила, был ее мужем и отцом ее детей. Он в это время спал мертвецким сном, будучи в хорошем подпитии — от него страшно разило перегаром и куревом. Курил законный супруг по три пачки папирос в день в доме, совершенно не думая о своих домочадцах. Не знаю, что творилось у них в легких после таких ингаляций, но занавески постоянно были желтые, и Лизка их время от времени стирала и часто выговаривала: «Накурыв, хоть топор вишай».

О том, что Марчук был совершенно другой — и близкого сравнения нет, — сестра не хотела и думать: она костерила все мужское племя, стригла всех под одну гребенку и была уверена, что если было бы у нее ружье, она бы их всех, пьяниц, порешила бы. В ней говорила неумемная ярость, она была плохим советчиком.

Соня молча выслушала ее пламенную речь и тихо, не говоря ни слова, ушла. Она проплакала всю ночь, вспоминая свою жизнь.

Она вспомнила, как выходила замуж...

1940 год... На деревенских посиделках она увидела его, Козуба Василия, солдата срочной службы, который приехал на побывку домой на две недели. Он сразу ей понравился. Симпатия оказалась обоюдной, и случилась скорая свадьба и быстрые сборы в дорогу. Так она вместе с мужем отправилась дослуживать на Дальний Восток.

Едва родился сын, как началась война, и в первые ее дни муж был отправлен на запад. Больше она его не увидела...

Она осталась одна в совершенно чужом краю и решила ехать домой. Но фронт приближался к родным краям, и отец в письме просил не трогаться с места. Но она так решила: будь что будет, но в беде надо быть рядом с родственниками.

Долго и с большим трудом добиралась до Рубашевки.

Каждый день она молила Бога за своего Васю, чтобы он остался живым и невредимым. Тихо плакала по ночам, и вместе со всеми переносила все тяготы и лишения военного времени. В колхозе пахала на быках, скирдовала, полола, доила коров...

Все мужчины призывного возраста ушли на фронт, работали тогда и стар и млад, включая всех женщин. С нетерпением ждала письма с фронта от любимого Васыля и верила, что дождется его, что смерть обойдет его стороной и они непременно будут счастливы.

Затаив дыхание, односельчане слушали сводки с фронтов. Красная Армия уже шла с победоносными боями на Запад.

Последнее письмо пришло из Львовского госпиталя, где находился на излечении ее подорвавшийся на mine муж. Далее — тишина. Ни умерший от ран, ни погибший в бою, ни без вести пропавший: ни живой, ни мертвый. Эта безвестность ее терзала, она не могла спать, от каждого шороха просыпалась. И все думала и думала, что же могло случиться с ее любимым?

Уже и война окончилась, а она продолжала ждать, а вдруг вернется живой, ведь на войне чего только не бывает. Она своим сердцем чувствовала, что он живой.

Соня постоянно смотрела на дорогу, чтобы не пропустить возвращения своего мужа. Она не раз представляла встречу с ним: как бросится к нему в объятия, как прижмется к нему всем телом, как заголосит на его плече.

Ждал отца и уже подросток их пятилетний сын Славик. Он знал, что у него есть папа, что его задерживают важные дела после войны и что он со дня на день обязательно вернется и привезет ему большущее ружье.

Не может не вернуться, ведь его ждут два любящих сердца....

Соня часто выходила за околицу и вглядывалась вдаль дороги, дороги, по которой возвращались с войны мужчины домой. Шли пешком по одному или по несколько, запыленные и уставшие, с вещмешками за плечами. Оставшиеся метры уже не шли, а бежали, чтобы скорей увидеть самых близких и родных людей. Каждое возвращение было знаменательным событием для всего села, радовались за каждого вернувшегося односельчанина.

А затем пришло письмо... от Васыля... Не ей, а его родителям, где он писал, что жив! и здоров! Просил прощения за долгое молчание и сообщал, что нашел свое счастье во Львове (эта женщина подняла его на ноги после тяжелого ранения) и домой возвращаться не будет. А о жене и сыне ни слова, как будто их в его жизни и не было вовсе. Долго не решались сказать об этом свекр и свекровь своей теперь бывшей невестке, пока по деревне не пошли слухи о таинственном письме, ими якобы полученном.

От такого известия Соня почернела, она отказывалась в это верить. Она не могла смириться с тем, что ее Вася, муж и отец, про них со Славиком совершенно забыл. Этого не может быть! Она каждый день ходила к своему брату, председателю колхоза, и умоляла его ехать во Львов и забрать ее Васю, которого окрутила разлучница-хохлушка.

— Андрий, я тебе Хрыстом-богом прошу... — говорила она и начинала рыдать-причитывать так, что даже самый безжалостный человек на свете не остался бы равнодушен к ее мольбам. Ее невозможно было утешить.

Андрею было жаль сестру, он ее каждый раз терпеливо выслушивал, но не представлял, чем может помочь. Оставить колхоз надолго было нельзя, да и опасно стало в послевоенное время в Западной Украине. Там бесчинствовали банды бандеровцев.

Жена Татьяна сочувствовала своей золовке, но мужа отпускать «к черту на кулички» опасалась.

— Ты шо, хочешь мене оставить без мужа, а своего сына сиротой? Удете и с концами сгинете. Шо тодди робить, подумай о Славике.

Со временем, выплавав все слезы, Соня смирилась, но боль застыла в душе навсегда. Шли годы. И наконец она с облегчением решила, что, слава Богу, муж ее живой — и мысленно пожелала ему счастья. Она знала, для кого ей надо теперь жить — для сына.

А однажды приехал Васыль тайно в деревню к родственникам на два дня, как-то тихо, что никто и не знал. Как трус. Увидеться с Соней не захотел, наверное, было стыдно, да и что он мог сказать ей, глядя в глаза, что обрек ее на вечное одиночество? Мужиков в войну много побило, так что шансов стать женой у женщин военного и послевоенного времени было мало.

Когда Славику исполнилось 14 лет и он закончил семилетку, встал вопрос о дальнейшей учебе. Сама Соня была без образования, она даже в школу не ходила. Жили они страшно бедно, за работу не платили, только ставили трудодни, на которые выдавали зерно, масло подсолнечное, сахар и другие продукты, но в таком количестве, чтобы только не умереть от голода. Да и уехать из села на учебу было невозможно, не выдавали паспортов. Такая политика проводилась в стране, чтобы удержать крестьян на селе для выполнения каких-то немислимых грандиозных планов социалистического строительства, прямо-таки крепостные государственные.

В общем, обернулось так: Василий вдруг позвал сына к себе...

Славик был не против, и Соня противиться не стала, интересы сына были для нее прежде всего. Назад Славик не вернулся, так и остался во Львове на всю жизнь. Получил высшее образование, сделал научную карьеру, получил ученую степень, стал профессором и преподавал во Львовском политехническом институте. А еще он женился, создал прекрасную семью.

Так Соня осталась совершенно одна.

Ни жена, ни вдова, ни черту кочерга. Ни счастья, ни горя, ни поплакать, ни посмеяться, ни порадоваться, ни огорчиться. Жизнь без полос: ни тебе черных (слава тебе, Господи), ни тебе белых...

Наутро Марчук пришел за ответом. Опустив опухшие от слез глаза, Соня еле выдавила из себя, что была занята и не выбрала время посетить сестру, сегодня обязательно это сделает. Сказать о совете сестры она была не в силах.

Марчук был в недоумении, узнав, что Соня не выбрала времени сходить к сестре, чьим советом она так дорожит.

Все это время за затаившимся сватовством внимательно наблюдала из-за забора Катерина. Она в душе злилась на соседку, ее одолевала ревность. Она недоумевала, почему Марчук выбрал не ее. Ведь и лицом она была лучше, как ей казалось, и проворнее, все у нее в руках горело, не то что медлительная и нерасторопная Соня, которая еще и размышляет по поводу замужества. Уж на ее месте она повела бы себя совсем по-другому. Она поняла, что у нее есть шанс. В голове созрел план, чисто женский, коварный.

Вечером она позвала Марчука и обратилась якобы за помощью:

— Марчук, а Марчук, у мене ризетка зломалась, зайды.

Ей даже пришлось повредить розетку, чтобы был убедительный повод заманить соседа.

Марчук и не подозревал, что идет в ловко расставленные сети. Он пришел, по-деловому разложил инструменты, отключил ток и принялся устранять неполадки.

После выполненной работы соседка пригласила его за стол:

— Марчук, давай поснидаемо, ужин готов.

На столе уже стояла дымящаяся картошка «в шинелях», вареные яйца, зеленый лук, крупно нарезанные помидоры и бутылка мутной са-могонки.

Выпили по одному полустаканчику... Мария обвила его шею руками, прижалась к крепкому мужскому телу.

Истосковавшийся по женской ласке Марчук не отстранился, а после второй рюмки он уже ничего и не помнил. Проснулся утром в постели с Катькой, да так и остался у нее навсегда...

Ни наутро, ни на другой день Марчук так и не появился у Сони.

Через два дня она увидела его во дворе... соседки и сразу все поняла. Еле зашла в дом, упала на кровать и залилась горючими слезами...

Она поняла свою ошибку. Она злилась на Лизку, которая сбила ее с панталыку и не дала принять ей самостоятельное решение, да и себя укоряла за нерешительность, понадеялась на мудрый совет сестры, которая работала в сельском совете и имела ума палату...

С тех пор прошло много времени. Ушли из жизни и Марчук, и Катерина, прожив ладком в мире и согласии. А Соня все жила, и стукнуло ей уже 95... Почему ей такая судьба была уготовлена свыше? Каждый день она вспоминала какой-нибудь отрывок из своей жизни, анализировала все мельчайшие детали, но не могла она понять: такая долгая жизнь — это подарок судьбы или наказание свыше? В душе она все еще держала обиду на сестру. Но лишь однажды Соня упрекнула ее. Та же никогда за всю жизнь ни разу не почувствовала себя виноватой и сразу нашла, что ответить: «Надумала вспоминать прошлогодний снег. Ну где той Марчук, где та наглючая Катька? Давно на том свити. А ты все живешь. Лучшенький кусочек себе! А был бы мужик, стильки не прожила б... Не о чем жалеть!»

Соня смахнула невесть откуда взявшуюся слезу и еле слышно, почти шепотом произнесла: «Зачем мне такая долгая жизнь, если она без радости от одиночества, зачем мне лучшенький кусочек, если его не с кем было разделить?!»

ХРИСЬКИНЫ ДЕТИ

До войны, той самой, большой, жил в селе Садовом рыжий, с большими яркими веснушками, веселый, добродушный, невысокого роста мужичок — Александр Гусев. И я, и мои родственники о нем никогда бы и не узнали, не случись у него беды, не дай Бог никому такого.

Родив ему четвертого ребенка, жена сразу же и померла... Тогда на селе рожали дома, и хорошо еще, если присутствовала при этом бабка-повитуха, у которой были хоть какие-то навыки помощи роженицам. Трудно сказать по истечении времени о настоящей причине ухода женщины из жизни, но, видимо, открылось кровотечение, как часто бывает, и случилась скорая смерть.

Закручинился мужик, не мог сдерживать слез при виде своих детей. Сиротинушки... Только что родившийся ребенок Александра был у его родной сестры, и она уже не единожды намекала, чтобы брат побыстрее решал свою семейную проблему, так как ей было тяжело: своих детей восемь — мал мала меньше, да и сама находилась на сносях очередным ребенком. Одни посоветовали Александру сдать малышей в детдом. От

этой мысли у него все холодело внутри, принять такое решение он был не в силах. Гусев не хотел об этом даже и думать, он обожал детей и не собирался с ними расставаться. Родственники помочь не могли, в каждой семье было по десятку и больше детей, и там едва сводили концы с концами. Рассчитывать на их помощь не приходилось. Совсем растерялся Александр. Совет жениться прозвучал для него как издевка. Какая женщина пойдет на четверых детей? Времена-то какие.

И тут пришла ему в голову одна мысль... Стали вместе с его родственниками искать по окрестным селам ту, которая засиделась в девках. Замуж в те времена выходили рано, в 16–18 лет, не взятых в жены к тридцати годам и старше называли старыми девами. Причины, по которым не выходили замуж, были совершенно разные, одна из которых как приговор: не вышла ликом. И сейчас речь пойдет о родной сестре моего деда Нестора. В метрике она была записана как Кристина, Кристина Кущенко, а звали ее просто — Христя. Трудолюбивая, добрая, но на внешность какая-то мужиковатая, нескладная, с грубыми чертами лица, большими руками и 43-м размером обуви. Природа женственностью ее не наделила, мужским вниманием она была обойдена. Не случилось женского счастья, а ведь уже тридцать лет, и жила Христя в семье брата, нянчила племянников и уж совсем не надеялась на перемены в своей жизни.

Вот к ней-то в Рубашевку и приехали свататься из Садового. Расчет был прост: засидевшаяся в девках легче согласится выйти за вдовца с детворой, а чтобы не напугать ее количеством детей, решено было не говорить о четырех, сказать только о трех, а там подумали, что со временем она пообвыкнется, примет и четвертого.

Сватов приняли радушно, посадили за стол, выпили, закусили, долго радили. Скромная, застенчивая Кристина зарделась ярким румянцем: она пребывала в растерянности, боялась поднять голову и получше рассмотреть приехавших. И уж очень хотелось ей разглядеть *его*. Кристина представляла, что такое трое малолетних детей. И понимала, что это может быть первое и последнее в ее жизни предложение руки и сердца. Она знала, что решение принимать только ей. Мучилась в сомнениях, пытаясь все взвесить: либо оставаться в семье брата вечной домработницей, либо попытаться своего счастья, своих детей произвести на свет, возможно, и полюбить этого рыжего кандидата в мужья. А он разглядывал ее в упор. О чем думал при этом — трудно сказать. Может, о том, сумеет ли она заменить ему его жену, которую любил до самозабвения, сможет ли она быть его детям любящей заботливой матерью — а это, пожалуй, самое главное.

Вроде сватов и не проводили с отказом, но и не пообещали ничего. Решили, что приедут в Садовое посмотреть на дом, на детей, расспросят соседей о ее потенциальном будущем суженом — не буйный, не пьющий ли? И вот погожим деньком Нестор запряг коня Буяна в телегу и поехал с сестрой навстречу ее будущей судьбе. Он понимал, что без нее будет в семье трудно, но счастье сестры противиться не стал бы, принял бы любое ее решение. Их ждали. Детей научили, как встретить тетю: чтобы ее разжалобить, они должны броситься к ней, обнять и назвать мамой. Подъезжая к дому, отметили, что хата добрая, крепкая, двор ухоженный — так бывает у настоящего хозяина. Соседи про Александра ничего худого не говорили, наоборот, хвалили — дескать, и самостоятельный, и трудолюбивый, и добрый. Жалели его и... помогали, чем могли. Как только гости зашли в дом, дети робко подошли к Кристине, как их учили, но,

назвав ее мамой, забыли обо всем на свете, стали громко голосить, хватали ее за юбку, самый маленький тянул свои ручонки кверху, чтобы его взяли на руки, он и в самом деле подумал, что это мама. За месяц отсутствия матери он забыл ее, а после криков «мама» решил, что это она и есть. На миг Христа растерялась, острое чувство жалости пронзило ее, она присела, обняла всех детей своими крепкими руками, сгребла их в кучу и разрыдалась, затем быстро подхватила маленького, прижала к себе, тот уткнулся ей в плечо, наконец, успокоился и даже заснул. И Кристина поняла, что уже не уйдет из этого дома.

Вот так у нее появилось разом трое детей, которых она сразу и полюбила — сначала их, а потом и их отца. Ребята быстро к ней привыкли, а она привязалась к ним всем своим сердцем, и ей казалось, что это ее дети. К мужу же Христа привыкала долго, и когда почувствовала, что носит под сердцем своего ребенка, душа ее наполнилась теплом и счастьем.

А новоиспеченный муж думал, как признаться ей в том, что у него есть еще один ребенок. Ему было совестно, выходило, что он обманул Христа, а она этого не заслуживала. По ночам Александр плохо спал, часто вздыхал и ничего не мог придумать. Каждый день он ходил украдкой к своей сестре, проводывал своего сына и говорил ей: «Потерпи еще немножко, сестрица, еще не время сына возвращать».

Разрешилось все как-то само собой, неожиданно.

Почувствовав, что начинает рожать, сестра спешно направилась в дом к брату, ни слова не говоря, быстро отдала на руки ничего не понимающей Христе орущего ребенка, а сама убежала. Кристина стояла в недоумении, не зная, что и думать, пока дети не дали понять, что от нее скрывали нечто важное. Они подбежали и стали радостно кричать: «Это наш Колька, Колька! Наш братик!» Все поняла Кристина, лишь слезу смахнула и произнесла: «Ну теперь, я надеюсь, все мы вместе, никого больше нет на стороне? Будем теперь ждать братика Сашку». И когда муж пришел домой, то увидел свою заплаканную жену, укачивающую Кольку и поющую ему колыбельную. Вмиг нахлынувшее острое чувство благодарности к жене и щемящее раскаяние за свой обман заставили его упасть перед ней на колени. Александр разрыдался. Заплакала и Христа, тихо, еле сдерживая всхлипывания, чтобы не напугать заснувшего ребенка...

А через положенное время появился их общий сын, такой же рыжий, как и его папка, такой же крепкий, как мамка, и назвали его в честь отца — Санек, Александр Александрович (или Сан Саныч, как его по жизни в дальнейшем величали). А потом появились еще двое их общих детей, две дочки. И оказалось у них всего семеро ребятшек — четыре сына и три дочери. Соседи, чтобы отличать детей от первой и второй жен, называли ее детвору «Хриськины дети». Но она считала это несправедливым, обижалась и говорила: «Все они мои». Стирала, готовила, дети были накормлены, ухожены. Дом держала в чистоте, в нем всегда пахло свежим хлебом. Она боялась, что кто-то из детей заболет и, не дай Бог, помрет. Детская смертность тогда была высокой — и голод, и холод, и болезни, и врача днем с огнем не сыщешь, времена-то какие... чего только не пришлось пережить.

Всех детей смогла сохранить Христа. На всех хватило тепла, ласки, доброты. Всех вынянчила, всех вырастила, определила в жизнь. Ни разу ни от кого не услышала в свой адрес злое слово «мачеха». И никогда не пожалела о своем замужестве. Любил ли ее Александр, она не знала, красивых слов тогда о своих чувствах не говорили, но за всю жизнь ни дур-

ного слова, ни упрёка от него ни разу не услышала. Жалел ее. Разделял с ней все заботы по дому. Всем о ней с нежностью говорил: «Моя Христюшка», — и с гордостью хвалился: «Вкуснее, чем моя женка, хлеб никто не печет». Соседи видели их счастье и по-доброму радовались за них...

Затем все вмиг переменялось. Война! Великая Отечественная. Она коснулась любой семьи, горем и болью отозвалась в сердце каждого. По очереди ушли на войну муж Кристи и два их сына. Она на всю жизнь запомнила их растерянные лица, улыбки, застывшие на губах, не высказанные перед расставанием нужные слова. Проводив самых дорогих людей, она не находила себе места. Боль и тревога не покидали ее. Она надеялась увидеть всех живыми и невредимыми. Но судьба распорядилась по-своему. Из трех ушедших на войну вернулся только один... сын, тот самый первый ее сын — Сан Саныч.

Давно уж нет и Кристи, и ее мужа, умерли и их дети.

И живут сейчас на белом свете их внуки да правнуки, добрым словом поминают своих предков, но вряд ли знают в подробностях об этой истории.